

почудились Ваньке обнадеживающие нотки. — Иди, иди сюда. Да оторвись ты от печки!

Мальчишка несмело подошел к прилавку и протянул молча тетке Клаве слипшиеся в кулаке монетки.

Как опытный следователь, тетка вмиг оценила ситуацию.

— Значит, посеял денежки? Отец зерно сеет, а ты рубли... На сколько тут у тебя выходит? — она сочла монеты. Побрякала костяшками на счетах. — Четыреста семьдесят пять грамм выходит...

Точные цифры особенно смутили Ваньку и вновь повергли в состояние глубочайшего уныния. Очевидно, на его лице была написана вся картина переживаний. Тетка Клава ребром ладони подвинула по вылощенному до глянца прилавку Ванькины деньги.

— Разве на столько вашу семейку накормишь? Килограмм до ужина сметаешь, небось...

Она нагнулась под прилавок, достала черную дерматиновую сумку. Дернула замок-молнию, заглянула туда, пошуровала внутри, принахмурилась.

— Вот же оглоеды! Мамкино горе... Все бы им играть... Нет на вас управы! — произнесла она в пространство, обращаясь не столько к Ваньке, сколько к кому-то вообще, кто откуда-то сверху, незримый, наблюдает за происходящим.

Потом тетка Клава достала из сумки буханку белого хлеба. На место ее положила буханку черного, предварительно взвесив и откромсав уголок до ровного килограмма.

— На, бери! — протянула она белый хлеб Ваньке. — Скажешь Ульяне Карповне, что я в долг дала. Завтра вернешь... Давай сумку.

Засунув в сумку хлеб и вернув Ваньке, добавила напоследок:

— Отец пусть за ремень-то не хватается. Разве ваша вина, что впотьмах за хлебом ходить приходится?

— Спасибо, тетя Клава... — насмелился наконец Ванька произнести требуемые слова благодарности.

— Как учишься? — переменяла тетка Клава тему. — В шестом или в седьмом?

— В шестом... На четверки, на пятерки... — смущаясь, ответил Ванька. Потом спохватился и добавил: — Пятерок больше. Я читать люблю...

— Эх, ты... читатель!.. Тетка Клава шумно вздохнула. — Ну, иди, иди... Мне закрывать надо. Мамке привет передай, не забудь. Мы с ней ведь одноклассницы были в девчатах... Не чужие. Папке тоже поклон... хлеборобу-ударнику... Они ведь с моим Василием в одной бригаде работают, растут вот этот самый... — она мотнула головой в сторону опустевших хлебных полок.

Ванька благодарно засопел оттаявшим носом. Подхватил с прилавка свою сумку и потопал к выходу.

На улице в лицо ударил холодной снежной крупой еще сильнее окрепчавший утренний ветер. Восточная кромка неба просветлела слегка, и в этой белесой глубине стали тонуть и гаснуть одна за другой дрожавшие, словно тоже окончательно зазябли в космической стыни, звездные пригоршни.

Сегодня дома будет белый хлеб!

И Ванька кинулся догонять Лешку, хотя понимал, что вряд ли успеет. Слишком уж он задержался нынче в магазине.

2003 г.

Из стихотворений разных лет

ВЕЧЕР НА УКРАИНЕ

Молочно-розовый закат.
Холмистая равнина.
Колодцы-«журавли» у хат,
А у плетня — калина.

Поплыл над крышами дымок.
Жук-хрущ гудит, как трактор.
Набегался! — не чую ног —
По майским росным травам.

«Вечерять! — бабушка кричит. —
Егор, ты де сховався?»
Она не знает, что я сыт
Не хлебом и не квасом.

Мне только бы пройтись еще
В саду меж вишен белых,
А после уж корми борщом
И все что хочешь делай.

На западе тускнеет свет.
Неразличимы лица.
И дальний голос мне вослед
«Спивае» про криницу.

1962

По давно забытым адресам
Позабывших не найдешь людей.
Потеряв единственных друзей,
Я уже не верю чудесам.
Записные книжки отложу,
Снег стряхну с ботинок у порога,
В этой жизни нужно так немного —
И в глаза любимой погляжу.

1964

ЧАСЫ

1.

Падает,
падает,
падает
снег.
Ветер
усталый
затих.
Тишь
такая,
словно
во сне
уходишь
из дум
моих.

2.

Звонко,
звонко
звенит
капель.
Почки
зудят
кусты.
Значит,
приходит
месяц
апрель,
снова
вернулась
ты.

1973

ЛЖЕПРОРОКИ

Не в краснобайстве об истоках
Истоки связи со страной,
А в звездный час и в час жестокий —
Готовность жертвовать собой.

Куда как умными бывают
Порой начетчики, но в час
Великой битвы забывают,
Чему так поучали нас.

Изменит время даты, сроки,
Иссякнут речи, как ручьи —
И перемрут все лжепророки,
Давно забытые, ничьи.

1977

НЕ ПРИВЫКАЙТЕ

Не привыкайте, люди, ни к чему,
Особенно к всезнаюню своему.

Скучны жонглеры громозвучных слов,
Скупы владельцы толстых кошельков.

Смешон надутый чванством бюрократ,
Но чистоплюй противней мне стократ.

Не привыкайте к искренним друзьям,
Родным озерам, рощам и полям.

Не привыкайте к детской чистоте,
Неповторимой женской красоте.

Не привыкайте уступать врагам
И верить энергичным дуракам.

Полезней нищим быть, чем все иметь.
Привыкнуть к жизни — значит, умереть.

1984

ЛИПОВЫЙ ЦВЕТ

Пела, пела иволга — и смолкла.
Вновь июль затеял духоту.
Зацветает липа у проселка,
Дух медовый слышен за версту.

Мы с женой рядком, как будто дети,
Ветки гнем и дышим глубоко,
Рвем пыльцой сорящие соцветья,
Нам вдвоем отрадно и легко.

Рядом шмель всю давно хлопочет,
Весь в пыльце, с утра он деловит,
Медом тоже запастись хочет,
Улетит и снова прилетит.

Долго ли в работе перегреться!
Лето-лекарь дарит нам рецепт:
От простуды нету лучше средства,
Чем июльской липы белый цвет.

Вот засушим пестики-тычинки —
Будет нам добавка в чай зимой.

То-то славно — чашки по две чинно
Выпить и распариться, как в зной,

И припомнить липу у проселка,
Ложечкой в стакане шевеля,
Иволгу, степную перепелку,
Неба высь, гудение шмеля.

21 июля 2003 года.

ТЫНДА. ЛУГОВАЯ, 1

Г. Кузьмину

Опять зима.
Как больно ветер жжет!
Калорий в теплотрассе не осталось.
Кружит снежинка — водяная малость,
Январь ее сурово бережет.

Мой дом в три слоя снегом занесен.
Кого он греет в эту злую стужу?
Кого, по тропке выпустив наружу,
К исходу суток поджидает он?

Колючий воздух к Тынде заскользил,
Он, словно выдох, бесконечно тяжек.
Коробочка среди девятиэтажек —
Мой старый дом...
Неужто здесь я жил!

Вот в эти двери лысенький поэт
Входил без стука, снег смахнув с ушанки,
Чай с сухарями пил и воблу шамкал,
Вина и пива не приемля, нет!

Потом мои тетрадки ворошил,
Где от стихов давно в глазах рябило,
И, варианты предлагая мило,
Он без пощады строчки потрошил.

Нацеливая свой бельмастый глаз,
Он бормотал: «Ну, накрутил, парнишка...»
В суровой правке нарождалась книжка
Без выспренности ложных и прикрас.

По мне проехал будто тяжкий трактор,
Так ныло тело от работы той!
Он был упорен в творчестве — крутой,
Но справедливый, первый мой редактор.

Вот эта книжка, тонкая, как лист,
Что осенью с березы наземь ринул,
С названьем немудрящим «Сентябрины» —
Возьми ее, редактор-тракторист.

За ней пойдут другие, но пока
Она мне жжет замерзшие ладони.
Мы с нею нашу молодость догоним,
Мы с ней удачу схватим за бока.

Ну, вот и все...
О стенку головой
Колотит ветер северный колючий.
Поэт ушел и умер, невезучий,
И я стою один на Луговой.

1979-2003